

ЗА ЧТО ВЫ ЛЮБИТЕ ПУШКИНА?

В предновогоднее суетное время в Студии театрального искусства под руководством Сергея Женовача сыграли премьеру «Заповедника» по Сергею Довлатову. В отличие от прошлогоднего спектакля «Мастер и Маргарита» — шумного, разнопланового, сложносочиненного, — новая постановка почти лишена внешнего лоска и броскости, это неспешная исповедь главного героя, философский этюд на тему любви, смерти, предназначения художника.

Повесть «Заповедник», начатая Довлатовым в 1977–1978 годах и законченная в 1983-м уже в эмиграции в Америке, по праву считается его главным произведением, во многом автобиографичным. В ней он описывает свой опыт работы экскурсоводом в музее Михайловское — в Пушкинских горах. Герой, писатель Борис Алиханов отправляется туда на лето. Творческий и эмоциональный кризис (развод с женой, нереализованность в профессии — героя постоянно отказываются печатать; скучная работа, которую он вынужден делать, чтобы сводить концы с концами, бесперывные запои) он надеется развеять в

атмосфере пушкинских мест, и, возможно, в обращении к гению Пушкина, как будто знающему ответы на мучающие героя вопросы. Одно из главных достижений довлатовской повести — это, конечно, образы всех встречающихся Алиханову в Пушкинских горах персонажей — от сотрудниц музея, посетителей, вечно пьяных мужиков, живущих в деревне по соседству, до сотрудников КГБ, описанных с присущим писателю юмором и сарказмом. При всей трагичности «Заповедника», это, пожалуй, одно из самых «смешных» произведений позднесоветской эпохи.

Сергей Женовач, всегда бережно относящийся к авторскому тексту, на этот раз, сохранив основную сюжетную канву, линейно выстроил ее иначе: перемешал эпизоды, а еще добавил много пушкинских строк. Стихи великого поэта, особенно во втором действии, постоянно звучат со сцены. «Смешные» диалоги и монологи служат скорее фоном, а основное внимание сосредоточено на душевной драме главного героя — Алиханова-Довлатова. За всем происходящим наблюдает подвешенная к заднику посмертная

Борис Алиханов — С. Качанов

Галина Александровна, экскурсовод – Д. Муреева

белая маска Александра Сергеевича, еще одного «главного» героя спектакля.

Художник **Александр Боровский** сочинил предельно аскетичную декорацию. Длинный деревянный мост с перилами тянется из темных глубин сцены к авансцене и обрывается у «реки»: тут правда есть вода, а точнее квадратный бассейн, с грязной мутной водой, служащий одновременно и зеркалом, и умывальней, и бездонной бочкой, в которой припрятано неслыханное количество водочных бутылок, и сточной канавой, куда бросаются окурки и прочие продукты жизнедеятельности. Второй мост выстроен дугой над сценой, перпендикулярно нижнему. Получается трехуровневое пространство: вода, в которой так и хочется утопить все печали и горести, узкий мост, напоминающий дорогу жизни из ниоткуда в никуда, ну или напрямик в реку, и верхний уровень – там свет и радость – второй мост будто бы возвышается над первым: снизу творятся всякие безобразия и возлияния, а сверху – читается поэзия Пушкина и ходят девушки в красивых платьях.

Алиханова-Довлатова Женовач сильно со-

старил относительно романного героя – тому около тридцати, а на сцене к зрителям по мосту к реке идет уже довольно пожилой человек (**Сергей Качанов** – самый возрастной актер СТИ), с сединой в волосах, в потертых джинсах и кожаной куртке, он ложится у кромки воды и долго, пристально всматривается в свое отражение. Потом достает бутылку водки, закуривает и начинает свой неспешный рассказ. Это все похоже на воспоминания, на ретроспективный взгляд на события давно минувших дней. Умудренный опытом человек делится с нами своей очень личной и печальной историей. И все персонажи, появляющиеся затем в поле нашего зрения – тоже как будто ожившие картины прошлого. Манера, с которой Сергей Качанов рассказывает нам о своих злоключениях – довольно остраненная, и даже в диалогах он как будто играет роль стороннего наблюдателя, прекрасно понимающего, что все это минутная суэта, ничто по сравнению с вечностью, с Пушкиным, в конце концов. Все земное, все сегодняшнее, вся эта обрушившаяся на героя тяжесть расставания с любимой, обречен-

ность — канет в Лету, и он, Алиханов, понимает это, как никто другой. Не случайно он в финале спектакля надеется на встречу с женой в раю. Рай — и есть место встречи.

Сосредоточенность всего первого действия на одном собственно краю моста, как будто на краю пропасти (один неверный шаг — и ты уже там), выводит этот спектакль в особую плоскость — вне времени и вне пространства: между Пушкиным, Довлатовым, брежневской эпохой застоя и днем сегодняшним — а что, разве мы сегодня опять не на краю пропасти? А речка и мост наводят и еще на одну мысль: Черная речка, дуэль, Пушкин, смерть. Все закольцовывается в этой предельно простой на первый взгляд сценографии.

И все-таки спектакль Женовача — это не один долгий монолог Алиханова. Первое действие полностью отдано на откуп мужчинам, второе — целиком оккупировано женщинами. В первом — великолепный ансамбль молодых актеров СТИ, недавних выпускников ГИТИСа с блеском разыгрывает отдельные эпизоды повести, причем все это они проделывают, сгруппировавшись у края моста, «наноса визиты» засевшему тут писателю. У каждого из них — свой коронный выход. И тут зритель может от души посмеяться. Текст Довлатова берет свое. Валерий Марков (**Даниил Обухов**), злостный нарушитель общественного спокойствия, в мегафон выкрикивает свои замечательные реплики: «Нет в жизни счастья, дорогие радиослушатели! Это говорю вам я — единственный уцелевший панфиловец!». Тут и Михаил Иваныч, Миша (**Дмитрий Матвеев**), у которого снимает комнату Алиханов, вечно пьяный деревенский мужик, чуть было не убивший когда-то свою жену Лизку, тут и его сосед Толик (**Александр Медведев**) — идут, покачиваясь и нежно переругиваясь. И еще одна колоритная парочка Стас Погоцкий, ленинградский экскурсовод (**Александр Николаев**) с другом своим Володей Митрофановым (**Лев Кокоткин**), гением чистого познания. Вся эта кампания распивает водку, закуськает гурцом и являет зрителю лучшее, на что способна, — рассказы про свое горемычное житье-бытье.

Во втором действии Алиханов остается на том же месте у самой воды, а на мосту сверху выстраивается перед ним целый ряд разодетых в разноцветные платья женщин: сотрудниц музея, посетительниц, страстно и нежно обожающих Пушкина и беспрестанно склоняющих его — каждая на свой манер. Кажется, они вот-вот упадут в обморок от строк «Я вас любил». Глаза наполнены слезами, руки трясутся, сердце готово выпрыгнуть из груди. А вопрос: «За что вы любите Пушкина?» — вообще не сходит у них с языка. Каждая обязательно прочтет по стихотворению, «взмахнет крыльями» или шарфиком и упорхнет. Но помимо явной насмешки над растиражированными, замусоленными до дыр цитатами из великого поэта («Любить публично — это скотство», — говорит Алиханов), есть в этом многоголосье и пронзительная нота. Внезапно женщины вместо ярких платьев облачаются в простые белые ночные рубашки и со свечами в руках начинают петь романсы на стихи Пушкина. Как молитву. Есть в этом благоговении что-то возвышенное и даже трогательное.

Появляется во втором действии и жена Алиханова Татьяна (**Катерина Васильева**), приехавшая сообщить ему о том, что собирается уезжать из страны вместе с их дочкой. Сверху десятки любопытных глаз будут наблюдать за ними. Татьяна получилась у Васильевой очень уверенной и самостоятельной женщиной, красивой, целеустремленной и даже в чем-то подавляющей Алиханова. Он робеет перед ее решимостью и непоколебимым желанием уехать, вырваться отсюда. Но доводы ее он не слушает и ехать вместе с ней наотрез отказывается. Конечно, бросается в глаза их разница в возрасте (Алиханову-Качанову уже сильно за 50, а жена его — совсем еще молоденькая), но, возможно, этот контраст создает нужный эффект разделенности, «разобщенности близких душ». Еще один персонаж посещает писателя «внизу» во втором акте — майор Беляев (**Никита Исаченков**). Проводит с ним воспитательную беседу, настаивает на пути истинный. Страшным эхом сегодняшних событий звучат его слова: «И помни, уголовное дело — это тебе не брюки с рантом. Уго-

Сцена из спектакля

 Борис Алиханов – С. Качанов,
Татьяна, жена Бориса – К. Васильева

ловное дело шьется в пять минут».

Женовач действительно поставил на этот раз предельно минималистический спектакль: все внимание — к актерам и к тексту. Почти полное отсутствие декораций, спецэффектов. Правда, есть уже ставшие традицией обязательные для СТИ «завлекаловки» в фойе перед началом действия. Так прямо у гардероба стоит огромная желтая цистерна с вином (сухое белое), и дородная барышня продает его по 150 рублей. Ходит среди зрителей и другой продавец — самиздата: всучить он пытается, конечно, Довлатова. На экране идет хроника брежневских времен, прославляющая достижения Советов. На этом отсылки ко времени заканчиваются. В зале зрители больше не за что будет уцепиться. И на протяжении 3,5 часов он будет наслаждаться довлатовской искрометной прозой, изящной ювелирной игрой Сергея

Качанова, живительной энергией молодых артистов и до боли знакомыми стихами Пушкина. Финальная песня Фрэнка Синатры в конце «Нью-Йорк, Нью-Йорк» лишь усиливает общее ощущение тщетности любых попыток художника вырваться из «заповедника» на свободу. Тут как нельзя к месту будет цитата из статьи известного литературоведа **Алексея Зверева «Шаг от парадокса к трюизму»** о Довлатове: «Довлатова наверняка будут читать долго, если вообще не разучатся читать, и с годами его книги станут путеводителем по фантастической реальности, в которой мы жили десятилетие, и два, и три тому назад. Но если такое произойдет, то еще не скоро. Думающие, что они уже ушли от этого времени, избавились от этого груза, просто обманывают себя».

Дарья АНДРЕЕВА
Фото Александра ИВАНИШИНА